

DOI: 10.12731/2218-7405-2016-12-169-187

УДК 316.754

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА РЕПРОДУКТИВНОЙ НОРМАТИВНОСТИ

Змиевская А.А., Курышева О.В.

Статья посвящена исследованию репродуктивной нормативности в контексте её связи с психологическим благополучием личности. В ходе теоретического анализа впервые приводится определение репродуктивной нормативности (далее – РН), рассматривается проблема соотношения её объективного и субъективного компонентов как детерминанты психологического благополучия личности. Представлена и обоснована одна из возможных типологий РН, отражающая наиболее распространённые типы репродуктивного поведения современных россиян: 1) высокая РН («Абсолютная норма»); 2) средне-высокая РН («Семья с ненормативным прошлым»); 3) средне-низкая РН («Одинокое родительство»); 4) низкая РН («Отсутствие семьи и детей»).

Обнаружено наличие разной степени согласованности между объективным и субъективным компонентами в рамках выделенных типов РН. Наибольшая согласованность наблюдается в группах с высокой и низкой РН, наименьшая – в группе одиноких родителей. Установлено, что рассогласованность между компонентами РН связана с меньшим психологическим благополучием личности. Так, в «группе риска» оказались одинокие родители (средне-низкая РН): они демонстрируют самые негативные оценки восприятия собственной жизни, самоотношение и самооущение. Средне-благоприятные, практически идентичные показатели психологического благополучия, обнаружены у респондентов с ненормативным прошлым (средне-высокая РН) и респондентов без семьи и детей (низкая РН): психологические выгоды от наличия семьи и детей

нивелируются ненормативным опытом родительства, рассогласованием между желаемым и реальным в реализации семейной жизни. «Заблокированная» родительская роль, таким образом, связана со сходным уровнем психологического благополучия, как и «ненормативно исполненная» роль родителя. Самый высокий уровень психологического благополучия ожидаемо установлен в группе с высокой РН («Абсолютная норма»).

Ключевые слова: социальные нормы; репродуктивные нормы; репродуктивная нормативность; репродуктивное поведение; опыт родительства; одинокое родительство; одиночество; ненормативное деторождение; психологическое благополучие; субъективная картина жизненного пути.

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN DIFFERENT TYPES OF REPRODUCTIVE NORMATIVITY

Zmievskaia A.A., Kuryshcheva O.V.

The article investigates the reproductive normativity in the context of its relationship to person's psychological well-being. The theoretical analysis allowed to formulate the definition of reproductive normativity (RN) and its structural components. It's considered the problem of relation between objective and subjective components of RN as the determinant of psychological well-being. It's presented and justified one of the possible typologies of RN, reflecting the most common variants of modern Russians' reproductive behavior: 1) high RN («The total normativity»); 2) medium-high RN («Family with deviant past»); 3) medium-low RN («Single parenthood»); 4) low RN («No family and children»).

The presence of different relations between objective and subjective components of RN in described types is empirically detected. The highest consistency of RN components is observed in groups with high and low RN, the lowest consistency is manifested among single parents. The mismatch between RN components is associated with lower psychological well-being. Single parents are at risk: they demonstrate the most nega-

tive evaluations of their life, self-awareness and self-attitude. Average-auspicious and almost identical indicators of psychological well-being were found among respondents with deviant past (medium-high RN) and respondents with no family and children (low RN): psychological benefits of having family and children are eliminated by abnormal parenthood experience and by the mismatch between desired and actual implementation of family life. Thereby the «blocked» parent role is connected with the same level of psychological well-being as the improperly played parent role. The highest level of psychological well-being is expectedly found among respondents with high RN («The total normativity»).

Keywords: *social norms; reproductive norms; reproductive normativity; reproductive behavior; parenthood experience; single parenthood; loneliness; deviant childbirth; psychological well-being; subjective picture of life course.*

Репродуктивное поведение современных россиян представляет собой уникальное социокультурное явление. С одной стороны, в стране наблюдаются присущие западным странам черты «второго демографического перехода» [22]: увеличение возраста вступления в брак и среднего возраста матери при рождении ребёнка; увеличение числа внебрачных деторождений; снижение рождаемости, связанное с осознанным планированием рождения определённого числа детей [5]. С другой стороны, Россия входит в «пятёрку» европейских стран с наиболее традиционными представлениями о репродуктивных нормах [18], а результаты глубинных исследований демонстрируют наличие сверхответственного подхода молодых россиян к созданию семьи и родительству [10]. Современная молодёжь всё больше воспринимает семью как «жизненный проект», который нужно реализовать осознанно, имея множество ресурсов (личностных, социальных, материальных) [15].

Неоднозначность и противоречивость в репродуктивном поведении и установках россиян, а также негативные тенденции в брачно-семейной сфере в целом, объясняют устойчивый интерес исследователей к таким феноменам, как репродуктивное поведение и

регулирующие его нормы, репродуктивные установки, место семьи и деторождения в системе ценностей россиян и пр. При этом, несмотря на обилие соответствующих социологических, демографических, культурологических научных работ (А.С. Лифброер, Е.М. Мерц, В.Н. Архангельский, М.А. Беляева, В.В. Солодников, Ф.Н. Ильясов, И.М. Орехова, Л.В. Ерофеева и др.), в отечественной науке на данный момент отсутствует целостное представление о психологическом благополучии личности в зависимости от уровня нормативности репродуктивного поведения. Е. В. Реутов отмечает: «Утрата связи между нормативностью и жизненным успехом ставит под вопрос ценность нормативного поведения.» [14, с. 131]. Действительно ли «правильная» организация семейной жизни связана с большим психологическим благополучием, или такое представление является скорее устаревшим и навязанным извне, в том числе, нуждами демографической политики?

Обнаруженные в западной литературе данные не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. Так, рассматривая благополучие представителей движения «childfree», западные учёные приходят к противоречивым выводам – одни утверждают, что добровольно бездетные респонденты гораздо благополучней, чем их сверстники, имеющие детей (Дж. Мировски, С.Е. Росс, Х. Кендинг, С. Маклантахан, Дж. Адамс), другие видят причины таких результатов в некорректной организации исследования, отказе от целостного подхода к изучению данного явления (Г.О. Хагестаад, В.Р. Колл, Е.А. Гринфилд, Н.Ф. Маркс). Учёт отдельных нормативных параметров репродуктивного поведения (только семейного положения, только наличия/отсутствия детей и пр.) не позволяет сделать вывод о связи репродуктивной нормативности в целом и психологического благополучия личности. Более того, результаты западных исследований не могут быть полностью применены к российской выборке, поскольку система репродуктивных норм имеет культурную обусловленность.

Формирование целостного представления о нормативности в контексте репродуктивного поведения стало основной задачей

теоретического этапа исследования. Анализ научной литературы показал наличие двух подходов к трактовке данного феномена. Согласно первому из них, нормативность есть совокупность социальных норм, существующих в обществе, а также способность общества продуцировать нормы (Л.С. Лихачева, Е.В. Нестеровская, Э. Дюркгейм, Р. Мертон). Рассмотрение нормативности как функции общества характерно для социологической науки: именно общество, а не отдельная личность и её внутренняя реальность, здесь выступает в качестве объекта исследования. В рамках второго подхода, который можно обозначить как социально-психологический, нормативность понимается как характеристика личности с точки зрения её стремления следовать социальным нормам, сформированная в результате освоения и осмысления этих норм в ходе социализации (М.К. Акимова, Е.И. Горбачёва, В.Т. Козлова, Н.А. Ференс, Т.П. Маралова, В.А. Столярова, С. В. Ярошевская и др.). При этом термины «нормативность личности» и «нормативность поведения» зачастую используются как синонимы, поскольку предполагается, что поведение человека полностью зависит от его внутренних убеждений. На наш взгляд, подобное отождествление понятий является не вполне правомерным. Так, в психологии принято разделять феномены «конформность» (склонность личности поддаваться влиянию группы) и «конформизм» (изменение поведения под влиянием группы). Ярким примером в данном контексте является феномен внешнего конформизма, проявляющийся в изменении поведения под влиянием групповых норм при внутреннем неприятии этих норм.

В нашей работе мы используем второй, социально-психологический подход к пониманию нормативности. Обобщая взгляды исследователей, мы определяем **репродуктивная нормативность** как интегративную социально-психологическую характеристику личности с точки зрения 1) её стремления следовать репродуктивным нормам (субъективная или личностная нормативность), а также с позиции 2) объективного (фактического) соответствия её репродуктивного поведения этим нормам (объективная или поведенческая нормативность). Проводя аналогию с соотношением

«идеального» и «реального», можно предположить, что расхождение между субъективным и объективным компонентами РН может провоцировать состояние фрустрированности, ощущение личностного и/или жизненного кризиса.

Наиболее изученной в контексте психологического благополучия личности оказалась объективная составляющая репродуктивной нормативности. При этом, большая часть обнаруженных работ сосредоточена вокруг **«опыта родительства»** (И.А. Ральникова, С.С. Шмакова, Е.Н. Костарева, Л. Ф. Фатихова, Г. Битс, Дж. Блэйк, И.А. Коннидис, Х.П. Кохлер, Дж.А. Макмаллин и др.). Так, согласно теоретическому анализу литературы, нормативный опыт родительства включает в себя следующие объективные характеристики: рождение ребёнка в браке в нормативном возрасте, отсутствие опыта развода, наличие финансового благополучия на момент рождения первого ребёнка (М.А. Беляева, Г.В. Антонов, Ж.В. Чернова, Л.Л. Шпаковская, А.Р. Алюшева и др.). «Выпадение» хотя бы одного из названных параметров может рассматриваться как проявление ненормативности опыта родительства: от незначительного отклонения (раннее или позднее рождение ребёнка, опыт развода и повторного брака при наличии ребёнка и пр.) до крайнего варианта (отсутствие семьи и детей). На наш взгляд, именно опыт родительства, будучи максимально целостным и многоаспектным феноменом, составляет основу объективного компонента РН.

Сопоставление результатов теоретического анализа исследований репродуктивного поведения, репродуктивных норм и опыта родительства с данными официальной государственной статистики по России [4] а также результатами предыдущего этапа эмпирического исследования [7; 9], позволило выделить **4 типа РН**, наиболее распространённых и актуальных в нашей стране. Безусловно, обозначенные типы не охватывают всех проявлений репродуктивного поведения, и данная типология является одной из возможных. Тем не менее, сравнительный анализ именно этих наиболее обширных групп РН позволит установить целесообразность дальнейших исследований в данном направлении, а также определить векторы

оказания социально-психологической помощи в «группах риска». Итак, ниже представлены наиболее распространённые в нашей стране типы РН:

1. **высокая РН («Абсолютная норма»)** – характеризуется полным соответствием объективно наблюдаемых параметров опыта родительства существующей системе репродуктивных норм. Анализ научной литературы, данных государственной статистики, а также результаты проведённого нами исследования репродуктивных норм и влияния отдельных компонентов РН на психологическое благополучие личности, позволяют заключить, что нормативным для современной России является создание семьи и рождение хотя бы одного ребёнка в период от 22 до 30 лет, а последнего ребёнка – не позднее 40 лет. При этом, важно обретение финансового благополучия на момент рождения первого ребёнка, рождение ребёнка в браке, а также отсутствие опыта развода в прошлом.

2. **средне-высокая РН («Семья с ненормативным прошлым»)** – характеризуется «выпадением» одного или нескольких параметров нормативности в опыте родительства в прошлом. К данному типу РН мы относим людей, которые в настоящий момент имеют семью и, хотя бы одного ребёнка, однако, в их прошлом наблюдался «ненормативный эпизод» (внебрачное или ненормативное по возрасту деторождение, развод и повторный брак, отсутствие финансового благополучия на момент рождения первого ребёнка). Данные теоретического анализа позволяют сделать вывод, что эти ненормативные параметры зачастую сопровождают друг друга (например, раннее создание семьи и деторождение часто связаны с финансовой неустроенностью молодых родителей и повышенным риском развода) (А.Б. Синельников, Е.Л. Путинцева, Г.С. Гукасова, Л.А. Хачатрян и др.).

3. **средне-низкая РН («Одинокое родительство»)** – характеризуется ненормативностью опыта родительства в настоящем, а именно, отсутствием законно оформленных брачных отношений при наличии ребёнка. Поскольку монородительская семья чаще всего представлена матерью и ребёнком, именно одинокие матери

стали объектом нашего исследования. Выделение данного типа РН представляет большую практическую значимость: по оценкам исследователей, каждая третья россиянка, родившая ребёнка в браке, со временем становится одинокой матерью. Количество матерей-одиночек, никогда не состоявших в браке, составляет около 18% от общего числа матерей. Таким образом, в данной группе оказываются женщины, имеющие ребёнка, но не состоящие на данный момент в официальном браке, независимо от наличия брачных отношений в прошлом или гражданских отношений в настоящем. Объединение одиноких матерей в одну группу, независимо от факта развода и/или опыта сожительства, обусловлено результатами нашего прошлого исследования, где установлено, что 1) развод не связан с уровнем психологического благополучия личности; 2) люди, проживающие с партнёром вне брака, имеют меньший уровень психологического благополучия, чем «семейные» респонденты [7].

4. **низкая РН («Отсутствие семьи и детей»)** – характеризуется отсутствием опыта родительства и законно оформленных отношений. Данный тип РН можно назвать относительно новым: помимо людей, остающихся одинокими в силу обстоятельств, всё чаще можно встретить тех, кто осознанно отказывается от брачных отношений и рождения детей. Подобная стратегия, на наш взгляд, является следствием размытия репродуктивных норм, повышения лояльности и толерантности общества к проявлениям отклонений, а также изменением системы ценностей современных молодых людей [3; 8; 12; 13; 19].

Для определения типа РН в ходе эмпирического этапа исследования были использованы следующие методики: 1) анкета для выявления объективной репродуктивной нормативности (семейное положение, возраст рождения детей и пр.); 2) авторский опросник для выявления субъективной репродуктивной нормативности (перечень репродуктивных норм, выявленных на предыдущем этапе исследования [6], который необходимо оценить по степени согласия с ними).

Для диагностики психологического благополучия была использована следующая батарея методик: 1) показатель реализованности

психологического времени жизни (Е.И. Головаха, А.А. Кроник); 2) тест смысложизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев); 3) психологическая автобиография (Е.Ю. Коржова); 4) шкала психологического благополучия (К. Рифф); 5) тест личностной тревожности (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин). Выбор данного диагностического инструментария обоснован результатами теоретического анализа, а также данными предыдущего этапа исследования репродуктивных норм и социально-психологических последствий отклонения от них. Полученные данные позволили обнаружить два базовых показателя, предположительно связанных с репродуктивной нормативностью: 1) восприятие собственной жизни при отклонении от репродуктивных норм (чувство неудовлетворённости, чувство разочарования, недостаточная реализованность и/или осмысленность жизни, отсутствие целей в жизни); 2) самоотношение и самоощущение при отклонении от репродуктивных норм (чувство неполноценности, тревожность, ощущение себя беспомощным и неспособным управлять жизнью). Обнаруженные переменные оказались близкими к современному пониманию термина «психологическое благополучие» (М. Аргайл, М. Селигман, К. Рифф, Д.А. Леонтьев, Р.М. Шамионов и др.). В нашей работе мы используем подход К. Рифф к определению и диагностике психологического благополучия. Обобщив имеющиеся представления учёных о данном феномене, К. Рифф выделила 6 его базовых составляющих: самопринятие, личностный рост, цель в жизни, автономию, управление средой и позитивные отношения с окружающими [21].

Выборку исследования составили респонденты в возрасте от 30 до 40 лет, попадающие под описание какого-либо из типов РН (по 80 человек в рамках каждого типа, всего – 320 респондентов). Обработка количественных данных была реализована с помощью описательной статистики и сравнения средних значений (однофакторный дисперсионный анализ, ANOVA) в программе IBM SPSS Statistic 19.0.

В ходе первого этапа эмпирического исследования, мы соотнесли объективный и субъективный компоненты РН для дополнения и

уточнения составленной в рамках теоретического анализа типологии РН (таблица 1).

Таблица 1.

**Соотношение объективного и субъективного компонентов
репродуктивной нормативности**

Объективная РН	Субъективная нормативность (сумма баллов по оценкам согласия с существующими репродуктивными нормами)		Вид РН
	(среднее значение в баллах: p=0,001)	Уровень	
Высокая РН («Абсолютная норма»)	67	Средне-высокая	Согласованная
Средне-высокая РН («Семья с ненормативным прошлым»)	66		Парадоксальная
Средне-низкая РН («Одинокое родительство»)	65		
Низкая РН («Отсутствие семьи и детей»)	57	Низкая	Согласованная

Как видно из таблицы, высокая согласованность объективного и субъективного компонентов РН наблюдается при её крайних значениях: абсолютной норме и абсолютной не норме в репродуктивном поведении. Такую РН мы можем назвать согласованной. Противоречие между компонентами РН наблюдается у средне-нормативных респондентов, с наибольшим конфликтом в группе одиноких родителей. В данном случае уместно говорить о парадоксальной РН, когда внутренняя «нормативная картина семейной жизни» оказывается не соответствующей реальности. Согласно одной из гипотез исследования, чем больше рассогласование между компонентами РН, тем ниже психологическое благополучие личности.

Далее, обратимся к статистически значимым ($p \leq 0,05$) результатам сравнения средних значений по обозначенным параметрам психологического благополучия (восприятие собственной жизни; самоотношение и самоощущение) при разных типах РН.

Таблица 2.

**Сравнительный анализ восприятия собственной жизни
при разных типах репродуктивной нормативности**

Диагностируемый параметр	Средние значения (в баллах по шкалам отдельных субтестов)			
	Высокая РН («Абсолютная норма»)	Средне-высокая РН («Семья с ненормативным прошлым»)	Средне-низкая РН («Одинокое родительство»)	Низкая РН («Отсутствие семьи и детей»)
Отношение к прошлому				
Реализованность жизни	57	56	57	37
% значимых жизненных событий, относящихся к сфере прошлого	67	67	54	54
Результативность жизни	28	27	24	25
Отношение к будущему				
% значимых жизненных событий, относящихся к сфере будущего	20	18	32	30
Цели жизни	36	34	31	32
Осмысленность жизни				
Осмысленность жизни (по методике Д.А. Леонтьева)	113	106	97	101
Осмысленность жизни (по методике К. Рифф)	102	98	93	95

Как видно из таблицы, при высокой РН («Абсолютная норма») наблюдается максимально позитивное относительно других групп восприятие собственной жизни. Представители данной группы выше оценивают реализованность жизни, считая, что самые важные события уже совершились. При этом они удовлетворены своим прошлым, а также более позитивно оценивают будущее, воспринимая его как наполненное целями и смыслами. Показатель осмысленности жизни, являющийся одним из базовых параметров психологического благополучия, также наиболее высок именно в этой группе респондентов.

Средне-низкая РН («Одинокое родительство») связана с самыми негативными оценками восприятия жизни. Единственная высокая

оценка реализованности жизни в сочетании с неудовлетворённостью своим прошлым и отсутствием надежд на будущее, является, скорее, деструктивным показателем. В сочетании с низкой осмысленностью жизни в целом, обнаруженные параметры говорят о недостаточном психологическом благополучии одиноких родителей относительно других групп респондентов.

Средне-позитивное восприятие собственной жизни демонстрируют респонденты со средне-высокой («Семья с ненормативным прошлым») и низкой («Отсутствие семьи и детей») РН. Следует сказать, что одинокие респонденты, в целом, оказываются ближе к группе одиноких родителей по восприятию жизни. Исключение составляет показатель реализованности жизни, минимальный при низкой РН: закономерно, что люди, не создавшие семью и не имеющие детей, оценивают своё прошлое как менее «весомое» и наполненное по отношению к будущему, поскольку события «создание семьи» и «рождение ребёнка» входят в содержание культурного жизненного сценария россиян [1], определяя «продуктивность» прожитой жизни [16].

Таблица 3.

**Сравнительный анализ самоотношения и самоощущения
при разных типах репродуктивной нормативности**

Диагностируемый параметр	Средние значения (в баллах по шкалам отдельных субтестов)			
	Высокая РН («Абсолютная норма»)	Средне-высокая РН («Семья с ненормативным прошлым»)	Средне-низкая РН («Одинокое родительство»)	Низкая РН («Отсутствие семьи и детей»)
Личностная тревожность	43	46	49	44
Локус контроля «Жизнь»	34	31	27	30
Автономия	57	56	52	59
Управление средой	61	59	55	58
Самопринятие	62	59	53	59
Баланс аффекта (обратная шкала)	86	89	98	88
Психологическое благополучие (интегративный показатель)	366	354	334	352

Аналогичные результаты получены и по показателям самоотношения и самооущения респондентов. Самой благополучной в этом контексте также оказалась группа с высокой РН («Абсолютная норма»). Представители этого типа РН имеют самый низкий показатель личностной тревожности, ощущают себя способными управлять событиями жизни, демонстрируют большее самопринятие и чувство уверенности в себе, чувство автономии и наибольшее психологическое благополучие в целом.

На втором месте по уровню психологического благополучия находятся группы со средне-высокой РН («Семья с ненормативным прошлым») и низкой РН («Отсутствие семьи и детей»). Незначительные расхождения по параметрам «личностная тревожность» (ниже у одиноких людей) и «автономия» (выше у одиноких людей), вероятно, объясняются большей независимостью и меньшей ответственностью одиноких респондентов, в сравнении с «семейными» людьми. Подобная картина близости по параметрам психологического благополучия между одинокими людьми и теми, кто имеет семью и «ненормативный эпизод» в прошлом, подтверждает предположение Т. Хансен о том, что негативный опыт родительства оказывает деструктивное влияние на психологическое благополучие родителя. В такой ситуации одинокие сверстники могут оказаться даже благополучнее по некоторым параметрам [17]. Именно поэтому, нельзя считать достоверными результаты исследований, где группе одиноких людей противопоставляется вся совокупность родителей, без учёта специфики опыта родительства. В этой связи Т. Хансен замечает, что «заблокированная» роль родителя часто связана с большим психологическим благополучием, чем плохо исполненная родительская роль [там же].

Помимо этого, сходство по уровням психологического благополучия между средне-высоким и низким типом РН может объясняться степенью согласованности между объективным и субъективным компонентами РН. Как было сказано выше, одинокие люди склонны в меньшей степени разделять существующие репродуктивные нормы, то есть отклонение от этих норм не порождает у них чувства

фрустрированности и/или неполноценности. Тогда как респонденты со средне-высоким типом РН, напротив, хотели бы полностью соответствовать репродуктивным нормам, но в силу обстоятельств, запланированная жизненная программа была реализована «с ошибками». Интересным представляется вопрос о причинно-следственных связях между низкой субъективной и объективной нормативностью: является ли отторжение существующих репродуктивных норм изначальным явлением в жизни одиноких людей, или, скорее, следствием одиночества, где снижение значимости норм может быть психологической защитной реакцией.

Группа респондентов со средне-низкой РН («Одинокие родители») оказалась самой психологически неблагополучной по всем диагностируемым параметрам самоотношения и самоощущения. Помимо объективных причин для снижения психологического благополучия одиноких родителей (финансовые трудности, повышенная нагрузка по воспитанию ребёнка и пр.), наиболее выраженное в сравнении с другими группами РН рассогласование между желаемым (должным) видением собственной семейной жизни и её реальным воплощением также может оказывать деструктивное влияние на психологическое благополучие одиноких родителей.

Выводы

1. Репродуктивная нормативность представляет собой интегративную социально-психологическую характеристику личности с точки зрения 1) её стремления следовать репродуктивным нормам (субъективная или личностная нормативность), а также с точки зрения 2) объективного (фактического) соответствия её репродуктивного поведения этим нормам (объективная или поведенческая нормативность).

2. Самый высокий уровень психологического благополучия (позитивное восприятие и оценка собственной жизни, самоотношение и самоощущение) демонстрируют респонденты с высокой РН: люди, создавшие семью и имеющие хотя бы одного ребёнка, рождённого в нормативном возрасте (22–30 лет) в браке, финансово благопо-

лучные на момент рождения ребёнка, не имеющие опыта развода. Самый низкий уровень психологического благополучия имеют респонденты со средне-низкой РН – одинокие родители, имеющие ребёнка, но не состоящие в браке. Их оценка собственной жизни, самоотношение и самоощущение наиболее негативны в сравнении с остальными типами РН. Это отчасти объясняется значительной рассогласованностью между субъективным и объективным компонентами в структуре их РН, что позволяет назвать данный тип РН парадоксальным, относящимся к «группе риска».

3. Средний уровень психологического благополучия демонстрируют респонденты со средне-высокой и низкой РН. Это также связано со степенью согласованности между объективным и субъективным компонентами в структуре РН респондентов: в группе со средне-высокой РН мы наблюдаем несоответствие желаемого и реального в семейной жизни, а в группе с низкой РН её компоненты согласованы. Помимо этого, результаты нашего исследования подтвердили гипотезу Т. Хансен о том, что негативный опыт родительства нивелирует психологические выгоды от наличия семьи и детей, приравнивая таких родителей к одиноким людям по уровню психологического благополучия.

4. Обнаруженные результаты позволяют наметить направления для оказания помощи людям с разными типами РН: переосмысление ненормативного жизненного опыта (развода, внебрачного рождения, раннего или позднего деторождения и пр.), формирование установки на способность управлять событиями собственной жизни, повышение уверенности в себе, самопринятие, снижение личностной тревожности и пр. Особое внимание должно быть уделено группе одиноких родителей, чьё психологическое благополучие в наибольшей степени оказывается под угрозой.

5. Направлениями для дальнейших исследований являются: 1) поиск эффективных стратегий совладания с ситуацией одинокого родительства, в том числе, приводящих к повторному браку; 2) исследование людей с низкой РН, установление причинно-следственных связей между компонентами данного типа РН, поиск способов повышения субъективной РН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта №16-16-34004.

Список литературы

1. Алюшева А.Р. Овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как фактор развития макроструктуры автобиографической памяти // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. URL: <http://psystudy.ru>.
2. Антонов Г.В., Лактюхина Е.Г. Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? // Вопросы статистики. 2015. №7. С. 24–34.
3. Беляева М.А. Содержательная модель репродуктивной культуры // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 5 (24). С. 104–109.
4. Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. / Росстат, М., 2015. 263 с.
5. Захаров С.В. Второй демографический переход и изменение возрастной модели рождаемости // Демоскоп weekly. 2012. № 495–496. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php>
6. Змиевская А.А. Эмпирическое исследование социально-возрастных норм семейной сферы // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 9 (53). С. 585–595.
7. Змиевская А.А. Нормативные характеристики репродуктивного поведения и их влияние на психологическое благополучие личности // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/18PSMN416.pdf>
8. Иванова В.С. Childfree как показатель кризиса современной семьи // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1–4 (32). С. 50–51.
9. Курышева О.В. Социально-психологический анализ возрастных норм // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2014. № 3. С. 6–16.
10. Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. «Мы просто живём вместе»: сожительство в современной России. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 4 (81). С. 82–95.

11. Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Сгущения в субъективной картине прошлого // Психологический журнал. 2005. № 26(2). С. 22–32.
12. Орехова И.М. Репродуктивное поведение молодёжи и его социально-экономические последствия // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 1–5.
13. Реан А.А., Андреева Т.В. Психологические проблемы гражданского брака // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 5. С. 36–45.
14. Реутов Е.В. Нормативность в современном мире // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 2. С. 127–131.
15. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Молодые взрослые: супружество, партнёрство и родительство // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 19–43.
16. Berntsen D., Rubin D.C. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // Memory and Cognition. 2004. no. 32(3), pp. 427–443.
17. Hansen T. Childlessness and psychological well-being in midlife and old age: an examination of parental status effects across a range of outcomes // Social indicators research. 2009. no. 94, pp. 1–20.
18. Liefbroer A.C., Merz E.-M. Report on analysis of ESS data on cross-national differences in perceived norms concerning fertility-related behavior // URL: http://vidrepro.oeaw.ac.at/wp-content/uploads/Norms_fertility-behaviour.pdf
19. Martin S.P. Delayed marriage and childbearing: implications and measurement of diverging trends in family timing. Maryland: College Park, 2002. 97 p.
20. Peterson C.C. The ticking of the social clock: adults' beliefs about the timing of transition events // Int. Aging Hum. Dev. 1996. no. 42 (3), pp. 189–203.
21. Ryff C., Singer B. Psychological well-being: Meaning, measurement, and implications for psycho-therapy research // Psychotherapy and Psychosomatics. 1996. № 65, pp. 14–23.
22. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. 1987. no. 42(1), pp. 1–59.

References

1. Aljusheva A.R. *Psihologicheskie issledovanija* [Psychological Research], 2012, V. 5, no. 25, p. 3. <http://psystudy.ru> (accessed November 14, 2016).
2. Antonov G.V., Laktjuhina E.G. *Voprosy statistiki* [The Questions of Statistics], 2015, no. 7, pp. 24–34.
3. Beljaeva M.A. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The World of Science, Culture and Education], 2010, no. 5 (24), pp. 104–109.
4. *Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2015: Stat.sb.* [Demographic Yearbook of Russia. 2015], M.: Rosstat, 2015, 263 p.
5. Zaharov S.V. *Demoskop weekly* [Demoscope Weekly], 2012, no. 495–496. <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php> (accessed November 17, 2016).
6. Zmievskaia A.A. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern Research of Social Problems], 2015, no. 9 (53), pp. 585–595.
7. Zmievskaia A.A. *Internet-zhurnal «Mir nauki»* [Online Journal «The World of Science»], 2016, V. 4, no. 4. <http://mir-nauki.com/PDF/18P-SMN416.pdf> (accessed November 17, 2016).
8. Ivanova V.S. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal], 2015, no. 1–4 (32), pp. 50–51.
9. Kurysheva O.V. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika i psihologija* [Bulletin of the Tver State University, Pedagogy and psychology], 2014, no. 3, pp. 6–16.
10. Laktjuhina E.G., Antonov G.V. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2015, V. XVIII, no. 4 (81), pp. 82–95.
11. Nurkova V.V., Mitina O.V., Janchenko E.V. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2005, no. 26(2), pp. 22–32.
12. Orehova I.M. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [The Theory and Practice of Social Development], 2013, no. 12, pp. 1–5.
13. Rean A.A., Andreeva T.V. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Russian State University named after I. Kant], 2009, no. 5, pp. 36–45.
14. Reutov E.V. *Aktual'nye problemy sociologii molodezhi, kul'tury, obrazovanija i upravlenija: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii v Ekaterinburge* [Actual problems of sociology of youth, culture, education and management: materials of the all-Russian scientific-practical conference in Ekaterinburg]

culture, education and management: proceedings of Russian scientific-practical conference in Ekaterinburg], 2014, V. 2, pp. 127–131.

15. Chernova Zh. V., Shpakovskaja L. L. *Laboratorium. Zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium. The Journal of Social Research], 2010, no. 3, pp. 19–43.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Змиевская Анастасия Александровна, аспирант кафедры психологии

Волгоградский государственный университет

пр. Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация

zmievskaya.anastasia@gmail.com

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 4531-2070

Курешева Ольга Васильевна, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук, доцент

Волгоградский государственный университет

пр. Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация

o.kurysheva@ya.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 4794-7825

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zmievskaya Anastasia Aleksandrovna, Post-graduate Student, Department of Psychology

Volgograd State University

100, Universitetskij prospekt, Volgograd, 400062, Russian Federation

zmievskaya.anastasia@gmail.com

Kurysheva Olga Vasilievna, Associate Professor, Department of Psychology

Volgograd State University

100, Universitetskij prospekt, Volgograd, 400062, Russian Federation

o.kurysheva@ya.ru